

АНГЛИЙСКАЯ
ГОТИЧЕСКАЯ
ПРОЗА

Лорд Дансени Призраки

Серия «Рассказы об удивительном»

OCR Бычков М.Н

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160805

Английская готическая проза: В 2 т. Т. 2. : Терра; Москва; 1999

Оригинал: LordDunsany, "The Ghosts"

Перевод:

Светлана Борисовна Лихачева

Аннотация

Его рассказы о сверхъестественном отвергают как аллегорические толкования, так и научные объяснения. Их нельзя свести ни к Эзопу, ни к Г. Дж. Уэллсу. Еще меньше они нуждаются в многозначительных толкованиях болтунов-психоаналитиков. Они просто волшебны.

Лорд Дансени

Призраки

Спор между мною и моим братом в его огромном уединенном особняке вряд ли заинтересует моих читателей. Во всяком случае, не тех, чье внимание я надеюсь привлечь к проделанному мною опыту и к странным событиям, что произошли со мною в тех опасных пределах, куда по легкомыслию и невежеству своему позволил я вступить моей фантазии.

А навестил я брата в Уанли.

Особняк Уанли расположен в месте безлюдном и глухом; темные перешептывающиеся кедры обступили его со всех сторон. Кедры дружно кивают головами, когда налетает Северный Ветер, и снова согласно кивают, и украдкой возвращаются к былой неподвижности, и некоторое время ничего более не говорят. Северный Ветер для них – словно любопытная задачка для умудренных старцев. Они многое знают, эти кедры, ибо стоят здесь испокон веков. Их предки знавали Ливан, а предки их предков служили королю Тира и являлись ко двору Соломона. А среди этих чернокудрых детей седовласого Времени высился древний особняк Уанли.

Не знаю, волны скольких веков окатывали его стены призрачной пеной лет; но он по-прежнему незыблемо стоял на месте, а повсюду вокруг взгляд различал реликвии далекой

старинны – так причудливые водоросли льнут к неколебимому утесу. Здесь, словно раковины давно вымерших моллюсков, красовались доспехи, облакавшие мужей встарь; здесь же висели многоцветные гобелены, прекрасные, словно морские цветы; никакого современного хлама течение туда не заносило: ни мебели начала викторианской эпохи, ни электричества. Торговые пути, засорившие годы пустыми консервными банками и дешевыми романами, пролегали далеко отсюда.

Ну да, ну да, века еще сокрушат Уанли и разнесут обломки по далеким берегам. Но пока особняк стоял, и я приехал в гости к брату, и мы поспорили по поводу призраков. На мой взгляд, мнение брата по этому вопросу нуждалось в существенной поправке. Он смешивал воображаемое и действительное; он утверждал, что свидетельства очевидцев, даже полученные не из первых рук, доказывают, что призраки и впрямь существуют. А я говорил, что даже если кто-то и в самом деле видел призраков, это ровным счетом ничего не доказывает; кто поверит, что существуют малиновые крысы? – а между тем найдется немало свидетельств того, что люди наблюдали их в бреду.

Наконец, я объявил, что даже если бы увидел призраков воочию, то все равно продолжал бы опровергать их существование.

И вот я прихватил со стола горсть сигар, и выпил несколько чашек очень крепкого чая, и, отказавшись от ужина, уда-

лился в комнату, отделанную черным дубом, где все кресла были обиты декоративной тканью; а брат, утомленный нашими пререканиями, направился в спальню, по пути убежденно втолковывая мне, что не след обречь себя на подобные неудобства. Я стоял у подножия старинной лестницы, а огонек братней свечи поднимался все выше, но хозяин дома все продолжал уговаривать меня поужинать и идти спать.

Зима выдалась ветреной; за окном невнятно бормотали кедры – уж и не знаю, о чем; полагаю, что они считали себя тори давно вымершей школы и тревожились о каком-нибудь нововведении. Внутри, в очаге потрескивало огромное отсыревшее полено, выпевая жалобный мотив, а высокое пламя дрожало над ним и отбивало такт, и все тени столпились вокруг и закружились в танце. В отдаленных углах древние скопления мглы восседали словно дуэньи, не трогаясь с места.

Дальше, в самой темной части комнаты, находилась дверь, что никогда не отпиралась. Она вела в зал, но никто ею не пользовался; возле этой двери встарь произошло нечто, чем семья не имела оснований гордиться. Мы предпочитаем не говорить об этом.

Свет очага озарял освященные веками очертания старинных кресел; руки, что вышили ткань, давно покоились глубоко под землей; иглы, коими они работали, стали множеством отдельных чешуек ржавчины. Никто не ткал ныне в этой древней комнате – никто, кроме прилежных старых па-

уков, что бодрствовали у смертного одра реликвий былого и готовили саваны для их праха. Саван уже свисал с карнизов, одевая сердцевину дубовых панелей, источенных червем.

Разумеется, в такой комнате и в такой час воображение, и без того возбужденное голодом и крепким чаем, могло бы увидеть призраки бывших обитателей особняка. Именно на это я и рассчитывал.

Мерцал огонь, по стенам плясали тени, воспоминания о странных происшествиях, вошедших в историю, ярко оживали в моем сознании; но вот семифутовые часы торжественно пробили полночь – и ничего не случилось.

Фантазия моя не желала уступить понуканиям, и предутренняя прохлада разлилась в воздухе, и я едва не заснул, когда в смежном зале послышался шорох шелковых платьев – его-то я и предвкушал и ждал. Затем парами вошли высокогородные дамы и их кавалеры времен короля Иакова I.

То были лишь тени – тени, исполненные достоинства и почти неразличимые; но все вы читали истории о привидениях и раньше, все вы видели в музеях костюмы тех времен – засим, описывать процессию нет нужды; призраки вошли и расселись по старинным креслам, я бы сказал, несколько необдуманно, учитывая ценность старинной вышивки. И шуршание платьев смолкло.

Ну что ж, вот я и увидел призраков, однако страха не испытал и в существование их не поверил. Я уже собирался встать с кресла и отправиться спать, когда в смежном зале

послышался топоток, звук шагов по полированному полу, и то и дело нога соскальзывала, и я слышал, как о дерево царапают когти, словно некое четвероногое существо теряло и снова обретало равновесие.

Не то чтобы я испугался, но почувствовал себя неудобно. Топоток приближался напрямиком к комнате, в которой я находился, затем я услышал, как жадные ноздри плотоядно принюхиваются; может быть, «неудобно» – не совсем то слово, чтобы описать мои ощущения в ту минуту. В следующее мгновение в зал ворвалась целая стая черных тварей, ростом покрупнее собак-ищеек, с большими висячими ушами; уткнув носы в землю и принюхиваясь, они подбежали к лордам и леди былых времен и принялись ласкаться к ним самым отвратительным образом.

Глаза их, полыхающие жутким светом, казались бездонными. Заглянув в эти глаза, я вдруг понял, что это за существа, и испугался.

То были грехи, мерзостные смертные грехи великосветских кавалеров и дам.

Как скромна она – леди, что устроилась подле меня в старомодном кресле – как скромна и как мила, и однако же рядом с нею, уткнув голову ей в колени, восседает грех с запавшими алыми глазами, явное свидетельство убийства. А вы, златокудрая леди, неужели и вы... да, это кошмарное желтоглазое чудище крадется от вас вон к тому придворному; стоит одному из вас его отогнать, и он возвращается к дру-

тому. А вон та дама пытается улыбнуться, поглаживая гнусную мохнатую голову чужого греха, но один из ее собственных ревниво льнет к ее руке. Вон сидит престарелый дворянин, качая на коленях внука, и один из огромных черных грехов деда лижет лицо ребенка – и дитя оказывается в его власти. Порою привидение вставало и пересаживалось в другое кресло, но свора грехов неизменно следовала по пятам за хозяином.

Бедные призраки, бедные призраки! Сколько раз, должно быть, пытались они бежать от ненавистных грехов на протяжении двух сотен лет, сколько раз пытались оправдать их присутствие, но грехи по-прежнему держались рядом – и по-прежнему необъяснимые. Вдруг один из них словно бы почуял мою живую кровь и страшно залаял, и все остальные тотчас же покинули призраков и ринулись к тому, что первым подал голос. Чудовище взяло мой след у двери, через которую я вошел, и теперь вся свора медленно двинулась ко мне, обнюхивая пол, и то и дело издавая жуткий визг. Я понял, что дело зашло слишком далеко.

Но грехи уже увидели добычу, и бросились на меня всей стаей, и запрыгали, целя мне в горло; и всякий раз, как когти их впивались в мою плоть, в голове моей рождались страшные мысли, и желания, о которых лучше умолчать, подчиняли себе мое сердце. Пока эти твари металась вокруг меня, я обдумывал ужасные замыслы, и обдумывал с дьявольским коварством.

Свору мохнатых тварей, от которых я из последних сил тщился защитить горло, возглавляло огромное красноглазое убийство. И вдруг мне пришло в голову, что недурно было бы убить брата. Однако непременно следовало подумать о том, как избежать наказания. Я знал, где хранится револьвер, после того, как я застрелю его, я наряжу труп и посыплю его лицо мукой, словно ему вздумалось изображать привидение. Вот и все – проще не придумаешь. Я скажу, что он напугал меня – а слуги слышали, как мы беседовали о призраках.

Придется подтасовать еще кое-какие мелочи, но от бдительности моей ничего не ускользнет. Да, недурно было бы убить брата, думал я, глядя в алые бездны глаз чудовища.

Но прежде, чем меня затянуло в этот омут, я собрался с последними силами. «Если две прямые пересекаются, – сказал я, – то вертикальные углы равны. Пусть АВ и CD пересекаются в точке Е, тогда углы СЕА и СЕВ равняются ста восьмидесяти градусам (теорема XIII). СЕА и АЕD также равняются ста восьмидесяти градусам».

Я двинулся к двери за револьвером; отвратительное ликование поднялось среди чудовищ. «Но угол СЕА общий, следовательно, АЕD равняется СЕВ. Исходя из того же, СЕА равняется DEB. Q.E.D.». Все было доказано. Логика и разум снова подчинили себе мои мысли, черные псы греха исчезли, кресла с декоративной обивкой опустели. Поднять руку на брата показалось мне совершенно немислимым делом.